

18+

Людмила Худякова

Память

Семейная повесть

Людмила Худякова

Память. Семейная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48416819

ISBN 9785005058430

Аннотация

Это семейная повесть – взгляд в прошлое, о дедушке, которого никогда не видела. В произведении показана жизнь семьи в разрезе жизни страны в 20—30-е годы 20-го века на Урале. 30 октября ежегодно на Мемориале жертв политических репрессий в Екатеринбурге, где было расстреляно 20 000 человек во время сталинских репрессий, собираются люди отдать долг памяти, зачастую безвинно казнённым, позднее реабилитированным людям. Эта семейная повесть об одном из них.

Память

Семейная повесть

Людмила Худякова

Плакат на обложке Вера Сергеевна Кораблёва

© Людмила Худякова, 2019

ISBN 978-5-0050-5843-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пожар вмиг охватил завалинку, стену спальни и запылал с испепеляющей силой. Вскоре в блеске огня был виден весь ночной проулок. Блики огня засверкали на окнах соседнего дома, где жили Дарья и Лаврентий Ерыкаловы. Они выглянул в окно и вскоре с вёдрами выскочил Лаврентий с сыном Петром, к ним присоединились Степан с сыновьями, встали в шеренгу, набирали воду в соседнем колодце, передавали по цепочке вёдра, лилась вода, но пожар всё усиливался.

С подойником прибежала Агафья, жена Степана, а Дарья с иконой, читая молитвы, стала ходить вокруг своего дома. С вёдрами и подойниками прибежали жители соседних домов, образовали вторую шеренгу, но пожар, смеясь над ни-

ми, перекинулся на амбар, за которым находилось хозяйство Ерыкаловых. С иконой прибежал дьяк, но вскоре поставил икону к дереву и тоже включился в работу: стал лопатой набирать землю и кидать на горящие брёвна, одновременно читая молитву. В освещённой огнём тёмной летней ночи деревне Большая Грязнуха царствовали пляшущие языки огня, вырисовывая напряжённые потные лица.

Из сарая выпустили кур с петухом и козу. Куры кудахтали, петух кукарекал, огонь трещал, коза бляла, бабы кричали, что в доме Любка.

– Пьяная опять, верно, если не выскочила.

– Ясно, пьяная. Вечёр, когда ставнями окна закрывала, слыхала голоса, гармонь играла, песню «Сударушку» мужик пел, – частила Агафья.

Окно кухни затрещало, запылало, и из него выпал Семён, очередной хахаль Любки из соседнего села; от него разило дымом и самогоном, лицо и руки обожжены, рубаха в подпалинах. Женщины облили его водой, стали оказывать помощь. Упала кровля, Любка так и не вышла. Пожар потушили, когда и тушить-то было нечего. Любку не спасли. Труп нашли в сенях под ещё тлевшей балкой.

Но ещё долго у сгоревшей избы толпился народ: одни уходили: ждала утренняя работа после бессонной ночи, другие приходили, услышав о трагедии; отгоняли ребятишек, которые норовили оказаться в первых рядах. Весть о пожаре разнеслась по всем 570 дворам села Карпухинского.

В тот же день приехал участковый уполномоченный, следователь и человек в форме пожарного инспектора. Весь день они искали свидетелей преступления, посетили все близлежащие дома, но никто ничего не знал.

Павле Шишиной о пожаре рассказала золовка Надежда, когда они провожали утром коров с пастухом.

– Уснула с Яковом, проснулась с ним, – рассудила Паша. Бог милует. Усвоил обещание, данное деду Михаилу: держаться в стороне от дома Любки.

Пришёл как-то свёкор Михаил Иванович, когда Паша со слёзами на глазах трёхмесячную Зою кормила.

Не сразу выговорилась, но дед уже знал от дочери Надьки, что сын-гуляка ночи проводит с Любкой и её пьяной компанией, а у Паши молоко грудное пополам с горючими слезами.

– Не реви, – буркнул, взглядываясь в лицо малютки. На Якова как похожа. Глаза карие, тёмные волосики и сосёт, жадно приложившись к груди матери, а губёшки тоже аккуратные, вся в батьку. А тот не в меня, в жену.

У Михаила, что не год, жена Мария рожала детей, двенадцать их было, но в живых к этому времени осталось пятеро. Кто на войне сгинул, кто от болезни, Потапа смерть достала, когда в зелёных был, Афанасий вернулся после госпиталя больным. Все дети, кроме Якова, в него, крепкие, среднего роста, ширококостные. Яков же в мать чернявый, худощавый, ниже братьев. Любил пофорсить, одеться во всё новое и чистое, прогуляться с парнями по селу, хотя и учение

был, и книг много прочёл, в Петрограде закончил курсы парикмахеров. Женился на красавице Марье из кулацкой семьи Романовых, в 1915 году дочь Лиза родилась.

В село наведывались то красные, то белые. Мужики от греха подальше в лес ушли, «зелёными» себя называли. Белые, красные и зелёные требовали продовольствия, всем скрепя зубы угождать приходилось: попробуй не дай. Но была у Михаила дальняя землянка, прикрытая хворостом, чтобы после этих набегов и семью прокормить мог. Деверь место подсказал, лесником в тех местах был. С сыновьями по ночам этот земляной амбар строили и – никому, даже жёнам (у баб язык длинный) не говорили, там деньги и золото, сохранённое после четырёх раскулачиваний, хранил, но даже и сыновьям не говорил о том, где их спрятал. Набеги на село продолжались с 18 по 22 год.

О приближении белых и красных сообщали жители села Клевакинского, где не одну бабу изнасиловали, а ту, которая вилами честь себя и мужа защищала, повесили после надругательства. Девочек и молодых баб в селе Карпушинском прятали в подполье. Однажды в доме Романовых, где в то время жили Мария с Лизой, несколько дней стояли белые, потом их вытеснили красные. Несколько недель Мария, молодая жена Якова, пряталась в подполье. Когда безопасно стало, вылезла оттуда голодная, замёрзшая и совсем больная, возили к фельдшеру. Тиф. Дни были сочтены. Яков вернулся весной 21 года, а летом схоронил свою лебёдушку. После смер-

ти Марии решил, что надо жизнь продолжать по-новому.

Забрав с собой шестилетнюю Лизу, поехал в Петроград, решив устроиться там парикмахером и дочь воспитывать. Приехал и не узнал город. Это был неудачный период для города, расположенного удалённо от сельскохозяйственных районов. Разруха на путях сообщения привела к перебоям со снабжением. В парках, в скверах, на улицах выращивали картофель. Заводы остановились, трамваи не ходили, не работали водопровод и канализация, для отопления разбирали доски тротуаров и даже деревянные дома. У магазинов выстраивались очереди, была введена карточная система. Из-за голода жители, оставляя дома и квартиры, уезжали в сельские местности. К 1921-му году город опустел, в нем жили 722 тысячи человек – в 3 раза меньше, чем накануне революции. После жестокого подавления мартовского восстания моряков в Кронштадте прокатилась волна арестов. Ненадолго задержался здесь Яков, вернулся к отцу, своего дома после раскулачивания Романовых не было, поэтому поселился у Михаила.

Но не дело молодому одному век коротать, тогда и сошёлся с Любкой к недовольству своей семьи.

Однажды в вербное воскресенье Михаил Иванович после посещения церкви решил поговорить с сыном о жизни. Во дворе встретил простоволосую, хотя прохладно ещё было, Лизоньку, погладил по голове, протянул пряник. Она взглянула на деда карими Яшкиными глазками, взяла гости-

нец немытыми ручонками, вгрызлась в него зубами. Вошёл в избу и сразу огорошил сына вопросом:

– Чего не женишься? Полгода прошло после смерти Марии. Лизке мать нужна, а то она всё к Романовым бегает. Ей семья нужна, а не отец-кобель.

– Так на ком? Молодухи да вдовы с детьми.

– Ты уже нашёл одну такую молодуху.

– Не твоё, отец, дело. После войны имею право на личное.

Не учи жить.

– А Лиза как? О ребёнке подумай. Мать ей нужна.

Михаил не просто так завёл разговор. Была у него на примете Павла Дьячкова. Старше Якова, правда, да кто годы считать будет, и ростом повыше, но ведь с сантиметром никто за ними бегать не будет. А из богатой семьи, тоже неоднократно раскулаченной к этому времени. Самый большой дом в селе был у Павлы Артемьевны, земли много, скотный двор, лошади. Семьи что Павлы, что мужа её погибшего Ивана пользовались в селе уважением за трудолюбие, хозяйственность и доброту.

Павла в девках в селе первой красавицей была, скромная и образованная, муж Иван, лет на 8 старше её, был командиром белогвардейского отряда, худощавый, с большими серыми глазами, по характеру взрывной, храбрый, весёлый. На войне побывал, оттуда белым и вернулся. Погиб в 19. Крепко рыдала на похоронах, когда привезли, беда не ходит одна. Вскоре и маленький сын утонул, когда коров доила, хо-

зьяйство было большим, сама всё тянула, батраков нанимать запретила Власть Советов. Пусть и голодные, и полуодетые, но свободные, не батраки.

За мелким Васюткой соседские дети приглядывали. Вроде и речка Большая Грязнуха (так и село все местные называли) неглубока, но трёхлетке воды захлебнуться хватило. Осталась у Паши старшая дочь Наталья, большеглазая, кудрявая, очень тоненькая четырнадцатилетняя девчужка. Михаил знал, что воспитана Наталья так, как каждой бы девушке следовало: ответственная, образованная, скромная, по хозяйству помогает, по селу по ночам с парнями и девками не шастает. Помощница в хозяйстве будет, потом и замуж выдадим, и никаких «довесков» от Ивана. Павла – строгая, взрослая женщина и, по словам её родственника церковнослужителя, с которым только что ней разговоривал, религиозная; о Лизе позаботятся и воспитают достойно. Обо всём этом он и поговорит с Яковом, но не теперь, а, обдумав всё, после, и с бутылкой самогонки на Пасху. Думал старый, что если женит сына после смерти первой жены-красавицы, то и пить бросит Яшка, ведь не пил раньше.

Не стал Михаил тянуть быка за рога и разговор затеял, как и предполагал, в пасху. Яков противиться не стал. Он десятилетним парнишкой был, когда Иван с Пашей вышли из церкви. Она, красивая, высокая, была в белом платье, фате, с цветами в руках. Их обсыпали хлебным зерном, а потом и деньги кидали, он тоже схватил монетку. Потом

на нескольких экипажах поехали кататься. Дети бежали следом. Свадьба была что надо. Павла и после похорон Ивана сохранила привлекательность, а сейчас Яша решил, что отец прав, и вскоре произошёл сговор. Но ещё до этого о предполагаемом сватовстве сообщила будущей невесте Таисия, жена Ивана, старшего брата Якова, получившая задание от мужа узнать, как Паша воспримет этот мезальянс.

Разговор с Тосей всколыхнул душу Павлы, для неё это была новая жизнь, полученная на четвёртом десятке. Проводив подругу, решила сходить в Спасо-Преображенскую церковь, построенную в 1907 году на радость всем сельчанам Карпухинского и Травянского приходов. Строили на радость, а сколько боли впитала в себя эта церковь. В 1917 в стране произошла революция. Не приняло Карпухинское и рядом находящееся село Травянское новую власть.

Спустя полгода в Травянском вспыхнуло восстание: местные жители арестовали председателя-большевика, членов совета и нескольких сельских коммунистов. Помогали им мужчины Большой Грязнухи, среди них был и Иван Дьячков. В Травянку приехал глава рабочей дружины Василий Головин с отрядом бойцов. Восстание было подавлено.

Иван вместе с мятежниками ушёл в лес. Сначала там и жили, изредка наведывался по ночам домой, зацеловывал всю, обещал вернуться; она плакала, крестила его и не говорила даже родным о его приходах. Весной группа присоединилась к белогвардейскому отряду, который погнал летом того же

года через Большую Грязнуху бойцов 1-го Крестьянского коммунистического полка из Катайска. В июле побывал дома, но недолго, напоследок Паша дала мамину иконку-заступницу, но не защитила она его от земной беды. В 1919 похоронила и отпевала в этой церкви своего любимого и будто сама умерла, ссутулилась, постарела, волосы седые появились, глаза перестали улыбаться, скорбные морщинки появились у красивых губ.

Но не только личные беды принимала в себя эта церковь. 1918 года в урочище Половинном был убит священник Александр Попов и еще восемь жителей Травянского, их отпевало духовенство Спасо-Преображенской церкви, скоро и эти служители культа погибли. В 1919 году прибыл новый священник Иван Пьянков. А через год его арестовали и осудили на три года лагерей.

Павла постояла у икон, помолилась за живых, поставила свечи погибшим и умершим. Батюшка Кузовников Африкан Александрович прибыл сюда недавно, но стал уважаемым на селе человеком. Решила с ним поговорить о предстоящем событии. Слова его запали в душу:

– Живым живое. Бог создал тебя, дочь моя, не для страданий, а для радости. Живите, детей рожайте. А они будут. Бог вас наградит.

Просветлённая и счастливая, решившаяся на брак, вышла она из церкви, будто словами батюшки Иван говори с ней. Как изболелась душа по всему утраченному.

А весна чувствовалась во всём: в зелёной дымке деревьев с зарождающимися листочками, в лучах солнца, купающихся в лужах никогда не отличавшегося чистотой села, в первых цветах мать-и-мачехи, верба обвораживала своими похожими на маленьких пушистых цыплят почками. Захотелось подойти к реке. Селезни выбирали себе подруг, громко кричали, сустились и строили гнёзда сороки.

После смерти Васютки обходила это место стороной, боясь воспоминаний. Даже стирала не у реки на мостках, как все бабы, а в бане или дома, летом ставила вёдра у колодца, вода нагревалась и стирала в принесённом из сарая корыте. Вдоль берега гуляли когда-то с Иваном, а потом играла с маленькой Наташей. Она родилась 12 августа 1908 года семи-месячной, слабенькой. Повитуха говорила, чтобы не привыкали к ней, вряд ли выживет. Первые месяцы у сердца держала, не отпускала, носила всегда с собой в тёплой шали, часто давала грудь, и окрепла девчушка; по совету фельдшера, много гуляли, потом закалять стали; Иван плавать учил, часто играл с ней у реки. Выросла вся в него и лицом, и характером. А Вася на мать родился похожим, здоровым, крепким...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.